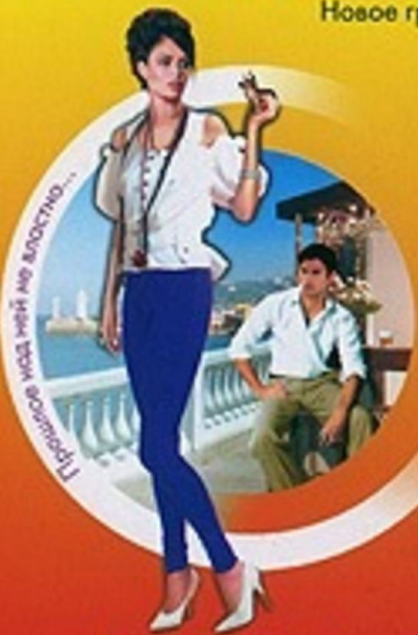

криминальная мелодрама

Екатерина ГРИНЕВА

Новое громкое имя!

Соблазнитель,
или Без пяти минут
замужем

Екатерина Гринева Соблазнитель, или Без пяти минут замужем

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319992

Соблазнитель, или Без пяти минут замужем: Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-38045-9

Аннотация

Ольге казалось, она довольна своей размеренной семейной жизнью с Борисом. Но все изменила случайная встреча на морском побережье с бывшим мужем: внезапная вспышка былой страсти заставила ее забыть обо всем... Игорь приехал в Крым на раскопки, и ему удалось обнаружить бесценные бронзовые статуэтки. Конечно, это не понравилось местным воротилам! Чтобы заставить его убраться с лакомого места, они стали угрожать Ольге, но все равно не смогли добиться своего. Тогда бандиты решили подставить ее и обвинить в убийстве...

Содержание

ПРОЛОГ	4
Год спустя	10
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Екатерина Гринева Соблазнитель, или Без пяти минут замужем

ПРОЛОГ

– Вишневская Ольга Александровна?

– Да. – Я села на табурет.

– Легчилов Роман Валерьевич. Следователь. – Он сделал паузу. – Я уже проинформировал вас о смерти вашего отца по телефону.

Я кивнула. В горле стоял комок.

– Его увезли?

– Да. Вашему отцу нанесли множество ножевых ранений. В квартире все перевернули вверх дном. Скажите, у вашего отца были враги?

Дело принимало странный оборот.

– А разве это не грабители? Я поняла, что это – ограбление.

– Мы отрабатываем все версии. В том числе и эту, – сказал следователь, не уточняя, какую именно версию он имел в виду.

– Н-нет, – сказала я, проводя рукой по лбу. – Он был пен-

сионером. Какие враги?

– А кем он работал?

– Начальником цеха на часовом заводе. Но он уже десять лет как на пенсии.

– Он хранил в доме какие-нибудь ценности, большие деньги?

– Ничего такого у него не было. Если и были сбережения, то небольшие.

– Двадцать тысяч рублей?

– Не знаю.

– Их оставили. Деньги в тумбочке – не взяли. Похоже, к нему залезли по ошибке, – задумчиво сказал следователь и посмотрел на меня.

Я нахмурилась.

– Пройдите в квартиру и посмотрите, что пропало.

Известие о смерти отца я получила, когда мы с Кристиной были на даче. Мы приехали туда на Первомайские праздники на несколько дней – отдохнуть и посадить цветы. Первый день мы валяли дурака. Погода была солнечной, ясной – настоящий праздник для дачников. Они приехали на свои участки с целью открыть дачный сезон.

Я потихоньку разгребала дачные завалы: убирала наверх старое белье, складывала в большие пакеты скопившийся хлам, чтобы потом вынести его на помойку. Дача была старенькой и нуждалась в ремонте и новой покраске – в нескольких местах краска уже слезла, обнажив потемнев-

шее рассохшееся дерево. Мы с Борисом думали заняться дачей, но тут грянул кризис, и наши планы были отложены на неопределенный срок.

Кристинка вертелась под ногами и пыталась помогать мне, но ее хватало ненадолго: минут на пять-десять, потом она со смехом отбегала от меня и снова принималась за свои дела – дергание за веревочку игрушечного клоуна или раскрашивание книжки с картинками.

Мы уже два раза поели и собирались пить чай, когда зазвонил мобильный. Я сделала Кристинке знак, чтобы она велась потише, и посмотрела на экран дисплея. Это была тетя Тома, мамина сестра.

– Да, – я откашлялась. – Мы сейчас на даче, – сказала я на тот случай, если она попросит меня приехать к ней и сходить на рынок за продуктами.

– Оля! Я хочу тебе сказать ужасную новость – твой отец умер. Его убили. Залезли ночью в квартиру и убили.

Я стояла ошеломленная, с трудом веря тому, что говорила тетя Тома. Мой отец... убит!

– Когда это случилось?

– Сегодня ночью. Он хотел ко мне приехать, но его все не было. Я решила поехать к нему. И вот...

Я звонила отцу два дня назад, он ни на что не жаловался. Все было как всегда: разговоры о Кристине, о том, как мои дела и что я собираюсь делать. Как Борис. В этом месте отец обычно делал паузу.

Борис ему не очень нравился, хотя он никогда не говорил об этом. Мой отец был слишком деликатным человеком, чтобы давать мне советы насчет личной жизни.

– Воры совсем обнаглели! А ведь предупреждали по телевизору в программе «Москва и криминал», что в праздники возможны ограбления квартир! Погода хорошая, все выедут на дачи, и грабители будут думать, что в доме никого нет, – трещала тетя Тома. – Бедный Саша! Господи, надо же! – всхлипнула она. – Здесь следователь. Он хотел, чтобы я сама сказала тебе об этом.

Затем трубку взял следователь.

– Ольга Александровна! Следователь милиции Легчилов Роман Валерьевич. Я хотел бы с вами поговорить. И чем скорее, тем лучше. Когда вы будете в Москве?

– Часа через полтора. Я сейчас выезжаю, – сказала я, едва шевеля губами. И дала отбой.

– Что случилось, мама? – Дочка стояла рядом и теребила меня.

– Твой дедушка умер.

– Умер? – Кристинка смотрела на меня, не понимая.

– Да. – Я присела на корточки и крепко прижала ее к себе.

– Как бабушка? Его теперь не будет?

– Не будет, Кристи, никогда.

Слез у меня не было. Услышав это известие, я словно окаменела внутри. Мой рассудок отказывался верить в смерть близкого человека. Пять лет назад я потеряла мать. Она

умерла в результате скоротечного рака желудка. Сгорела за полгода. Теперь папа...

Я сглотнула.

— Мы выезжаем, Кристи.

— Да-да. — Кристина нагнулась и стала быстро собирать рассыпанные по полу карандаши и фломастеры.

В Москву мы приехали к семи вечера. Я оставила Кристинку дома и поехала в квартиру отца.

Там меня уже ждал следователь, молодой мужчина лет тридцати, невысокого роста, в черном костюме и темно-синей рубашке...

...— Что пропало? — повторил вопрос следователь. — Вы можете установить?

Я встала с табуретки и на негнувшихся ногах прошествовала в комнату. Квартира, где жили отец с матерью, была небольшой однушкой в хрущевской пятиэтажке на втором этаже. Без балкона. Я предлагала отцу после смерти матери переехать жить к нам, но отец упорно отказывался.

— Я хочу жить там, где жили мы с Лялей, и никуда не уеду отсюда, — говорил он.

— Ну пап, ты же не можешь жить один! — уламывала его я.

— Почему, отлично могу...

Я мотнула головой, прогоняя воспоминания. В квартире царил дикий, просто чудовищный беспорядок. Стулья были перевернуты, книжные полки сдернуты со стен, книги валялись на полу.

В квартире все было перевернуто вверх дном.

Я внимательно осмотрелась и прошлась по квартире. Деньги лежали в ящике. Небольшая шкатулочка с мамиными кольцами и парой цепочек тоже была на месте. Ее не взяли. Странные грабители. Больше ничего ценного в квартире не было. Родители жили очень скромно.

– Вроде все на месте, – сказала я, судорожно сглотнув.

Следователь задал мне еще несколько вопросов: о расписке дня отца, куда он ходил, где бывал и с кем встречался. Напоследок попросил список друзей. Я с трудом вспомнила двух-трех бывших коллег. После смерти матери отец жил замкнуто и почти ни с кем не общался.

Мы расстались со следователем, и я поехала домой, с трудом сдерживая рыдания. А когда приехала к себе, то дала волю слезам, осознавая, что осталась во второй раз одна. Сначала мать, теперь – отец.

А на вопрос следователя: «Что пропало из квартиры?» – я ответить не могла. Но у меня складывалось впечатление, что меня просто подвела память и я не могла вспомнить. Что-то крутилось в мозгу: расплывчатое, неконкретное. Я даже злилась на себя за это, но ничего определенного в голову все равно не приходило.

Год спустя

В эту минуту я его почти ненавидела. Я повернулась на бок и посмотрела на Бориса. Он спал, полуоткрыв рот, и храпел. Я была твердо уверена, что всех храпящих нужно подвергнуть принудительному лечению или операции. Без всякого на то их согласия. Первое время Борькин храп сводил меня с ума. И чего я только не делала, чтобы отучить его храпеть. И к врачам водила, и к гипнотизеру. Ничего не помогало. Наконец я нашла выход: купила себе беруши и тем самым избавилась от надоедливого шума.

Под утро храп стал тихим, как будто его источник истощил свои основные силы за ночь. Во сне выражение Борькиного лица было по-младенчески невинным. И никаких морщин на лбу и складок около рта, как это частенько бывало в последнее время. Я пыталась отвлечь его от проблем, но по большей части безуспешно. Отстань, говорил Борис, сам со всем справлюсь. Как хочешь, говорила я и отходила в сторону. Зачем напарываться на неприятности? Если Борька выходил из себя, то он мог запросто наорать или психануть. А мне не хотелось, чтобы моя дочь Кристина стала свидетельницей наших личных разборок. Она и так реагирует на все слишком нервно и эмоционально.

Боря ее отчим, и привыкала она к нему долго. Целый год. Борька старался привязать ее к себе и для этого использовал

все способы: покупал огромные плюшевые игрушки, водил в детские развлекаловки, устроил грандиозный день рождения в кафе «Дюймовочка». С приглашенным тамадой – актером Молодежного театра, с успехом изображавшего Джека Воробья из «Пиратов Карибского моря». Такой праздник получился – просто супер-пупер. Глядя на актеров, весь класс пел и танцевал. Дети визжали и хлопали в ладоши. А Кристина стояла сияющая и гордая, что все это ликование было в ее честь. Но к Боре она не оттаяла, и нашел он ключик к ее сердцу только после того, как пообещал купить кошку редкой породы – бенгальской, которой Кристина уже придумала имя. Элли. Кошку на семейном совете решили покупать осенью, потому что летом ее девать некуда. А так еще почти целый год без проблем: не надо ломать голову, кому пристроить домашнего любимца.

Вот тогда-то Кристина, или Кристи, как я ее называла, и признала Бориса за своего. Хотя лично я против животных в доме. Кругом клочья шерсти, лишние заботы, и кто-то все время вертится под ногами, выпрашивая еду или лакомство. Но раз уж решили...

Я осторожно перелезла через Борю, стараясь не шуметь. Я собиралась на кухне попить кофе и обдумать предстоящую поездку на юг, в Алушту. Ехать мне туда не очень-то хотелось. Я уже привыкла отдыхать в Турции и Египте, и провести целый месяц на крымском курорте, где соотношение цены и качества зашкаливает в пользу цены, было совсем не

в кайф.

Но Кристинка ныла не переставая, ей ужасно хотелось на море. А в этом году, в связи с финансовыми трудностями, Борис не мог нас отправить на хороший курорт, я же выплачивала кредит за машину и тоже была стеснена в средствах.

Но это еще можно было пережить. Не беда. Хуже было то, что Борькин бизнес переживал не лучшие времена. Дела у Бори резко пошли под уклон. До кризиса он был преуспевающим ресторатором – три точки в Москве и шесть в области. Он хотел открыть магазин эконом-класса и назвать его «Берегиня» или что-то в этом роде, хотя я уверяла его, что этот вариант не очень хорош. «А что прикажешь: «Монетка» или «Два грошика»?.. – почему-то раздражался Боря. – «Берегиня» – название красивое и запоминающееся».

Я молчала. С Борисом спорить – себе дороже. Почему-то аргументы его не убеждают, а, наоборот, еще больше распаляют. Пришпоривают, как хлыст лошадь.

На кухне мне хотелось побыть одной в тишине. Когда Борька вставал – он начинал громко шуметь, и спокойно посидеть уже никак не удавалось.

Я достала из шкафчика кофе в зернах, налила в джезву холодной воды и насыпала туда две ложки с верхом итальянского кофе. Я любила пить крепкий кофе. Без молока и сахара.

Был выходной. Семь утра. Через два дня мы должны были уехать в Алушту. Чемодан я не собирала. Обычно я все

кидала в последний момент. Ненавижу составлять списки и ставить галочки. Если что-то забудется – не проблема, всегда можно купить на месте.

Я поставила джезву на плиту и посмотрела в окно. День обещал быть солнечным. Но сколько таких деньков не сдерживало своих обещаний... Солнце в Москве стало редким гостем и не часто баловало своим появлением. Зато на юге, конечно, погода другая. Мы сможем позагорать и отдохнуть. Сама мысль, что через два дня я буду ходить в топиках и шортах, порядком радовала.

На работе у нас был дресс-код, отклонения от которого карались по полной программе. Никаких тебе легкомысленных летних нарядов. С этим у нас было строго. Пару сотрудниц на моем веку даже уволили, когда одна пришла в черных чулках в сеточку, а другая в блузке с вырезом почти до пупка.

Клиенты бы их не так поняли, лицо фирмы прежде всего, учил мой начальник. После работы вы можете ходить хоть голышом, но в офисе – будьте добры не расслабляться.

Кофе пошел пузырьками, я быстро сняла джезву с плиты и налила напиток в чашку, привезенную из Турции. Темно-коричневую, с розовато-бежевой полоской по верху, напоминающей пенку. Чашка была похожа на кофе капучино. Прикольная чашечка. Я как увидела ее, так и влюбилась. Торговалась я за нее отчаянно. Черноволосый турок лет сорока пяти ни за что не хотел уступить ее мне за ту цену, какую

я назвала. Но я тоже стояла на своем. В результате мы сошлись на цене чуть повыше моей, и я ушла довольная, положив удачную покупку в сумку. Негласное правило любого восточного базара: торгуйся до последнего, и тебе уступят. Восточный торг – мини-спектакль, от которого получают удовольствие все участники. Когда я поехала в Египет в первый раз и купила разноцветные бусы не торгуясь, на лице продавца отразилось глубокое разочарование, словно ребенка лишили любимой игрушки. Облажалась ты, Оля, облажалась, выговаривала мне моя подруга Галочка, как же ты так! Никогда не соглашайся на первую цену, смело сбавляй ее в два раза, а потом начинай торг. Больше я не промахивалась и правила торга на восточном базаре помнила твердо.

Я сделала первый глоток кофе и ощутила, как мое настроение пошло вверх. Нет, кофе – лучший антидепрессант. Ну еще – шоколад, шопинг и... секс с любимым мужчиной, – в этом месте я запнулась. Я, конечно, привыкла к Борису, но сказать, что я в него влюблена... Я помахала ложечкой в руке и нахмурилась.

Я вспомнила, как часто мы с отцом спорили из-за Бориса. Не торопись выходить за него замуж, лучше присмотрись к нему, говорил отец. Я что-то не пойму твоего Бориса, вроде неплохой парень, но как пойдет вразнос...

Отец никак не мог найти с Борисом общий язык. Как только они встречались, так сразу начинали отчаянно спорить. Причем по всем вопросам. У отца, человека старой совет-

ской закалки, Борис, который начал заниматься бизнесом чуть ли не со школьной скамьи, вызывал раздражение.

– Е-мое, эти прыткие мальчишки, которые все знают и умеют, да еще пытаются учить, как надо жить...

– Да ладно, пап. Чего ты беспокоишься, Борис – нормальный мужчина, и мне с ним хорошо.

– Ты уверена в этом?

– Да.

– А вот глаза у тебя, дочка, – грустные. Может, не будешь бежать впереди паровоза? Куда торопиться-то?

– Я сама все решу, – обрывала я неприятный разговор.

Сама себе я говорила, что нахожусь уже не в том возрасте, чтобы гнаться за дешевой романтикой. Мне это совсем не нужно. Боря дает мне все, что необходимо одинокой тридцатилетней женщине с ребенком: покой, чувство защищенности и нежность. О чем я еще могу мечтать?

Я посмотрела в окно. Нет, кажется, денек будет неплохим. Яркие лучи солнца сигналили о том, что светило готово к своей работе и не собирается на этот раз отлынивать.

Я допила кофе и вернулась в спальню. Борис теперь лежал на спине, широко раскинув руки; из его рта вырывался тоненький храп. Я на цыпочках подошла к гардеробу и на верхней полке нашла новый купальник ярко-бирюзового цвета, который я еще не успела примерить. И сейчас я собиралась исправить эту оплошность.

С купальником в руках я направилась в ванную. В про-

шлом году мы делали в ней ремонт и на одной из стен установили зеркало во весь рост. Я не стала объяснять Борису, зачем мне оно. Но я знала свою маленькую слабость – я часто любила смотреть на себя обнаженную и любоваться своим телом. Фигурка у меня была хорошая от природы. Мне не нужно было изнурять себя диетами или фитнес-клубами. Я могла есть все, что угодно, и при этом не полнеть. Многие женщины мечтали бы оказаться на моем месте.

Я быстренько скинула халат и надела купальник. К моей смуглой коже ярко-бирюзовый цвет подходил просто идеально. Я повернулась вправо, потом влево. Нет, все-таки хорошо, что я притормозила у этого магазинчика, привлеченная яркой рекламой антикризисных цен, и зашла в него. Купальник был – чудо. Я сняла его и собиралась накинуть халат, как увидела в зеркале, что в ванную вошел Борис. Он приоткрыл дверь, всклокоченный, небритый, и расплылся в улыбке.

– Опаньки, – прохрипел он. – Это что еще за голенькая цыпочка тут разгуливает? А?

– Борь! – с легкой досадой откликнулась я. – Ты чего? Иди спи.

– А я уже проснулся, – и Борис хмыкнул. – Аккурат к завтраку. Чем ты меня накормишь?

Борис шагнул ко мне и просунул руку между ног.

– Борь! – Я невольно оттолкнула его руку. – Ну чего с утра-то? Давай не будем?

– Не хочешь? – На лице Бориса отразилось сложное сочетание обиды и удивления. – Не хочешь?

Я знала, какое болезненное у Борьки самолюбие, и поэтому тактично пробормотала:

– Лучше... в другой раз... вечером.

– И вечером... и ве-че-ром... – Борис, уже закрыв глаза, нежно поглаживал своего вставшего мальчика и пытался пристроить его сзади. – Наклонись, – шепнул Борис, – я сейчас...

Я оперлась руками о раковину и опустила голову вниз.

– Ты хоть дверь закрыл?

– Забыл, – почесал он подбородок.

– А если бы Кристина проснулась и увидела наши игрища?

– Ну обошлось же!

По-моему, это любимое словечко мужчин.

За завтраком настроение Бориса резко ухудшилось. Он сидел молча и ел все подряд. Это был очень плохой признак. Обычно Боря крайне капризен в еде и постоянно создает мне проблемы.

Он ел докторскую колбасу, но не ел сосисок и сарделек, любил хорошо поджаренную свинину, но почти не употреблял говядины, разве только тушеную, с приправами и картошкой. Обожал сырники, но терпеть не мог творог. Поэтому, когда Борька ковырялся в еде и вопил, что я опять под-

совываю ему какую-то бурду, я делала вывод, что с ним все в порядке. А вот когда происходило наоборот...

— Борь, что случилось?

Я села напротив и подперла щеку рукой.

— Что? — хмуро бросил он. — Ничего. Все в полном шоколаде. Как ты знаешь, мои дела на подъеме. Я — успешный бизнесмен и чертовски везучий предприниматель. Все, за что я берусь, у меня получается. — Его нервный смех сигнализировал, что Борька на взводе. — Теперь поняла?

— Поняла! — я кивнула. — Но это не повод так психовать. Я верю, что ты обязательно выкрутишься из этих временных трудностей.

— Вера — вещь хорошая! Но здесь одной веры недостаточно. Здесь нужны солидные бабки, которых у меня в настоящий момент нет.

— Ты же взял кредит в банке?

— Взял. А чем возвращать? Ты об этом подумала?

— Ты же знаешь, я с самого начала была против этого магазина. Тебе надо было остановиться на своих кафе-ресторанах, а за магазин не браться.

— Это — мое дело...

— Конечно, твое. Я просто советую.

— А бесполезные советы давать не надо.

Я понимаю, что Борис переживает за свой бизнес, который терпит катастрофические убытки. Борька — фактически банкрот, но признаваться в этом не хочет. На нем куча дол-

гов, с которыми он не знает как расплатиться. Как-то он обмолвился, что в крайнем случае продаст свою квартиру, которую мы сейчас сдаем. Правда, прибавил он, этого все равно не хватит, чтобы полностью заткнуть финансовые дыры. Я боюсь касаться этой темы, потому что тогда Борис становится невменяемым, и хрупкое равновесие нашей жизни грозит разлететься вдребезги, как изящная статуэтка из китайского фарфора, которую случайно задела локтем. Я боюсь заглядывать в будущее, потому что не знаю, что ждет нас завтра. И как настоящая женщина, в какие-то моменты я предпочитаю ничего не знать и прятать, как страус, голову в песок, потому что так спокойнее. И безопаснее.

И ради этого хлипкого мира, балансирующего в последнее время на опасной грани, я больше молчу, предпочитая не раздувать семейные ссоры, потому что пожар всегда легче предупредить, чем потушить.

А умная женщина не станет спорить с мужчиной и лезть на рожон.

Проснулась Кристина и пришла к нам на кухню с сонной мордочкой, потирая глаза руками.

– Привет! – Она села на стул и улыбнулась.

– Привет! – Я улыбнулась ей в ответ. А Борис подмигнул:

– Ужастик приснился?

– Не-а.

– В следующий раз обязательно приснится, – мрачно пообещал Борька.

– Не надо.

– Борь! – предупреждая произнесла я. – Прекрати!

– Молчу!

Кристина всегда немного разряжает взрывоопасную обстановку. У нее лукавая лисья мордочка, темные глаза, рыже-каштановые волосы, лицо, усыпанное веснушками, и тонкие губы, постоянно растягивающиеся в улыбке. Мой отец всегда говорил, что она похожа на меня в детстве.

Борис жутко комплексовал, что из-за кризиса не может отправить нас с Кристиной в Турцию или Египет, а может предложить только частный сектор в Алуште у какой-то своей дальней родственницы. Такой дальней, что он не знает о ней ничего, кроме адреса, который взял у матери. И это тоже было причиной его плохого настроения.

Борис обещал к нам приехать, но не говорил ничего определенного. «Когда дела отпустят, тогда и приеду».

– Мам, а ведь мы еще не собирались...

– Не собирались, – подтвердила я. – Но мы же не будем с собой баулы тащить.

Я наспех прикидывала, что взять из шмоток. И нужно ли покупать новый чемодан. У старого при поездке в Турцию в прошлом году отлетело одно колесико. Боря его приделал, но надолго ли?..

Я посмотрела на Бориса, который шумно пил кофе, уткнувшись в чашку, и перед моим мысленным взором возникла картинка нашей будущей совместной жизни: спокой-

ной, устоявшейся, без сюрпризов и потрясений. Я смотрела на него и понимала, что даже если за нашими плечами будет солидный стаж семейной жизни, воскресный завтрак будет протекать именно так: горка булочек, свежесваренный кофе, длинные ломти сыра, аккуратно лежащие на тарелке, разговоры, в которых мне приходится подстраиваться под Борьку – убеждать, соглашаться или, наоборот, молчать. Да, сейчас у Бориса трудные времена, но когда все рассосется, придет в норму, мы с ним будем жить именно так, как я сейчас фантазировала.

Я привыкла к нему, и поэтому мне с ним легко и одновременно трудно. Привычка – это палка о двух концах. С одной стороны, предсказуемость и стабильность, с другой – скука и рутина, когда все обрыдло до невозможности, хочется взорваться и заорать: «Как вы все меня достали!» И в первую очередь сказать эти слова Борису, который способен всю душу вымотать своей занудностью и дотошностью, который часто сидит, впялившись в телевизор, и молчит, а на все расспросы отвечает одно: «Слушай, не приставай. Дай отдохнуть человеку. На работе умотался, и дома никакого покоя нет».

Но я не взрываюсь, а держу себя в руках. Я понимаю, что мне не двадцать лет и характер-торпеда хорош только в молодости, когда море по колено и вместо одного мужика сразу появляется другой, как на месте срубленной головы Змея Горыныча моментально вырастает другая. С годами настрой

становится иным, и рубить сплеча не очень-то хочется. Да и глупо.

Жизнь заставляет меняться, и, увы, не в лучшую сторону. Это чувствую, что люди с годами становятся мудрее. Просто более осторожными, более гибкими, более скупными. Люди линяют, и вместо разноцветной яркой шкурки вырастает другая – серая и неприметная.

Но Борис мне нужен. И поэтому я терплю.

– Ой, булочки! – Рука Кристины потянулась к булочкам, лежащим на большом блюде.

– А ты умылась? Руки помыла?

– Ага. Вот. – Она показала свои ладошки. – Чистые.

– Ладно, ешь.

– Дядя Борь, ты когда к нам приедешь? – спросила Кристина, уминая булку.

– Я приеду позже, – буркнул Борька. – И буду плавать в море, как кит. – Он приложил руки к ушам и надул щеки. – Вот так... – И приблизил свое лицо к Кристине.

Она завизжала и, вскочив с табуретки, спряталась за меня.

– Как ребенок, честное слово! – снисходительно заметила я. – Вообще-то ты хотел вылететь вместе с нами.

– Хотел. – Борис провел рукой по волосам. – Но не получилось. Дела...

– Ты мог бы оставить их на Росторопшу.

Помощника Бориса по бизнесу зовут Миша Росторопша. Бывают же такие фамилии! Свою он оправдывал полностью.

Миша мелькал везде, как молния: худой, юркий, с зачесанными назад волосами, он выглядел значительно моложе своих лет. Когда я первый раз увидела его, то подумала, что Борька вовсю нарушает трудовое законодательство и эксплуатирует подростка. Миша Росторопша выглядел на пятнадцать-шестнадцать лет, хотя ему уже было двадцать три.

– У Росторопши свой участок работы. Парень и так пашет, как вол, а я ему вынужден зарплату скостить почти в два раза.

– Смотри сам. Когда выберешься, тогда и выберешься, – сказала я, не желая дальше спорить на эту тему. Какая разница, когда к нам присоединится Борька. Днем раньше – днем позже...

– Еще кофе можно? – спросил Борис, запихивая в рот половину булки.

– Можно. Я смотрю, у тебя аппетит появился.

Через два дня, в начале пятого, мы прилетели в Симферополь. Погода была по-южному жаркой, и не успели мы выйти в город, как за нами увязалась разношерстная компания: таксисты, предлагающие свои услуги, тетеньки, обвешанные табличками: «Сдаю жилье недорого», и носильщики, готовые подхватить твой чемодан и нести куда угодно.

На все вопросы, просьбы и советы я отвечала твердо: ничего не надо. Спасибо. Спустя минут пять многие поотстали, кинувшись на более сговорчивых граждан, и только еще пара

таксистов плелась за нами, обреченно повторяя: вам куда – отвезем за умеренную плату. Но когда я подошла к автобусным кассам, бедолаги отстали и примкнули к кучке коллег, стоявших на площади около своих тачек и зорко высматривавших потенциальную добычу.

Я взяла два билета, не посмотрев на места, потом с опозданием спохватилась – если последние, то Кристинку могло укачать, но нам повезло: мы сидели в середине, и Кристи, утомленная перелетом, могла поспать у меня на плече.

Ни поспать, ни подремать ей не удалось: автобус сильно трясло на поворотах, а повороты здесь возникали каждые десять минут, дорога шла серпантинном в горы, и, оставив свои попытки, Кристи уставилась в окно, замороженная открывшейся панорамой.

– Смотри! – Кристи прильнула к окну. – Краси-во! – протянула она.

Горы шли неровной грядой. Одна за другой, взмывая застывшими волнами. Ярко-синее небо было без единого облака, словно все облака попрятались в тень от летней жары.

В детстве мы с отцом и матерью только один раз ездили на юг и тоже, по странному совпадению, в Алушту. Детские впечатления, конечно, размазались, стерлись. Лет мне тогда было даже меньше, чем Кристинке, – пять с хвостиком. Я страшно радовалась, что еду к морю, и как только увидела горы, какой-то сказочный городок с игрушечными домиками, лепившимися один на другой, так сразу и влюбилась в

Алушту.

Я была готова все время купаться в море, жариться на пляже, есть вкусный плов и золотистые, с хрустящей корочкой, чебуреки, тающие во рту. Но родителям поездка почему-то не понравилась. Они все время ссорились, что само по себе было очень странно. Обычно они жили душа в душу, и я не слышала никаких сердитых ноток в их голосах. Правда, отношения они предпочитали выяснять не при мне, но все равно отголоски этих ссор докатывались до меня.

– Почему вы ссоритесь? – спросила я у папы. – Вам здесь не нравится?

– Нравится, но... – И он нажал мне на кончик носа.

– Ну, скажи, скажи... – требовала я.

– Ты все придумала...

И так обрывались наши разговоры. Мы с отцом несколько раз гуляли по городу. Один раз мы зашли во двор какого-то дома, и там, оставив меня на пять минут сидеть на лавочке, отец куда-то отлучился, и я сидела, болтая ногами, смотрела на кипарисы, росшие во дворе, и думала: куда отец делся и почему не взял меня с собой? Отец вернулся минут через пятнадцать сам не свой, нахмуренный и серьезный.

– И куда мы теперь? – спросила я.

– Домой. – И он крепко стиснул мою ладошку.

А вскоре мы вообще уехали из Алушты. И больше к морю не ездили. Только пару раз в Прибалтику. А потом, когда грянула перестройка, мы уже отдыхали либо на нашей даче,

либо в коттедже у Ритки Лебедевой.

Я забыла о своем давнем кратком отдыхе в Алуште, а сейчас почему-то вспомнила об этом. Потом Алушта мне часто снилась, но уже полувывмышленной-полуреальной. Город с белыми домиками, прикорнувшими в горах, как ласточкины гнезда. Потом и эти мимолетные воспоминания стали уходить из памяти, сны прекратились, и я совсем забыла о своем детском отдыхе, как и о многом другом.

Я уже не надеялась воскресить в памяти город, в котором была так недолго, но хотела, чтобы он, по крайней мере, не разочаровал – город из моих детских снов.

* * *

В Алуште мы разместились в двухкомнатной квартире на первом этаже пятиэтажного дома, который давно не ремонтировали. Он был окрашен бледно-желтой краской, облупившейся местами, и поэтому дом выглядел как недотепа-отдыхающий с облезшей кожей, который обгорел на солнце в первый же день. Окна квартиры выходили в палисадник, где росли виноград и абрикосовые деревья. И еще роскошные кусты черники, каких я раньше никогда не видела.

В первый же день мы произвели рекогносцировку местности и, убедившись, что вокруг никого нет, подняли с земли палки и стали сшибать абрикосы, заманчиво выглядывающие из зеленых листьев. При удачном попадании абрикосы

с глухим стуком падали на землю, и Кристи подбирала их, запихивая в карманы.

– Не испачкаешь карманы? – спросила я. – Лучше складывай их на землю в одно место. А потом мы заберем их домой. А лучше клади на подоконник.

Я открыла окно нашей квартиры и провела рукой по подоконнику.

– Тащи их сюда.

Спустя какое-то время на подоконнике выросла горка абрикосов. Но при очередном запуске палки я не рассчитала силы, и она упала прямо на асфальтовую дорожку перед тучной женщиной в белой панаме, коротких бежевых шортах и ярко-розовой футболке, обтягивающей обвисшую грудь и живот.

– Хамы! – взвизгнула женщина. – Совсем с ума сошли!

Мы с Кристи дружно присели в кустах, надеясь, что там нас никто не увидит. Но нам не повезло. Через пару секунд кусты раздвинулись и показалась ухмыляющаяся физиономия мальчишки лет десяти.

– Баб! Они тут сидят.

– Извините, пожалуйста, – сказала я, выходя из кустов. – Это я нечаянно. Дочке захотелось абрикосов, вот я...

– Для этого есть рынок.

– Мы только что приехали...

Она окинула меня взглядом, а потом спросила:

– Вы из Москвы?

– Да.

– Я тоже.

Так состоялось мое знакомство с Лидией Семеновной, с которой мы стали ходить вместе на пляж, карусели и прочие курортно-увеселительные места, потому что ее внук Витя стал лучшим другом моей дочери. И мне приходилось терпеть ее компанию, бесконечные разговоры о двух дочерях, муже-алкоголике, кризисе и собственных болячках. Шел пятый день нашего отдыха. Борис звонил каждый день, и я старалась говорить с ним беззаботно-веселым тоном. Борька же, напротив, был мрачен, разговаривал нервно и отрывисто. Я даже не спрашивала, как его дела. По тону и так все было ясно. На все мои вопросы, когда он приедет, Борис отвечал неопределенно: «Скоро».

Даже сейчас, лежа на пляже, я не могла выбросить из головы Борьку и его проблемы.

Солнце припекало все сильнее. Я надвинула шляпу на лицо и раскинула руки шире. Это называлось загорать, или на санаторно-курортном языке – «принимать воздушные ванны». К этому делу надо было подходить умеючи. Дилетанты обгорали сразу, не рассчитав собственные силы; ярко-розовая кожа пузырилась и облезала неровными слоями. Им приходилось на некоторое время покидать ряды загорающих, прятаться в тени или прикрывать плечи махровыми полотенцами.

Принадлежать к числу этих лопухов мне не хотелось. По-

этому с самого первого дня я смазывала кожу молочком для загара и лежала под солнцем не больше десяти-пятнадцати минут. Я собиралась вернуться с курорта загорелой и свежей, а не кроликом, с которого только что содрали симпатичную шкурку.

Я приподнялась и посмотрела направо: Кристина плавала в море вместе с Виктором. Она повернулась ко мне и махнула рукой. Я помахала в ответ. Лидия Семеновна стояла на берегу и чесала языком со своей очередной приятельницей. Эта дама была как пиявка и моментально цеплялась за людей.

Кристина вылезла из моря: с синими губами и вся трясущаяся от холода. Я растерла ее полотенцем и сказала, что больше купаться она не пойдет. Виктор с Лидией Семеновной ушли на обед, и мы остались вдвоем. Через какое-то время Кристина заныла. Ей снова захотелось в воду.

В море я ее не пустила.

– Хорошо, – закивала она головой. – Я буду собирать ракушки.

– Ракушки можно, – согласилась я.

Я снова легла на полотенце. Несколько раз я поднимала голову и смотрела на ребенка, проверяя, на месте ли она.

Спустя какое-то время мне захотелось в туалет. Он был в конце пляжа. Я вымыла руки в небольшом фонтанчике и вернулась на свое место. Прежде чем лечь на полотенце, я посмотрела на море. Кристи на берегу не было.

Я нахлобучила шляпу на голову, поднялась и огляделась по сторонам. Кристина исчезла.

* * *

Я сглотнула и провела рукой по лбу, пытаюсь унять лихорадочную дрожь. Только успокойся, приказывала я себе. Только успокойся. Кристина куда-то отошла на минуту, это не повод для паники. Сколько раз ты ругала ее за это. Но она ребенок и еще не может полностью контролировать себя. Ее что-то заинтересовало, и она отошла в сторону. Только не паникуй. Только держи себя в руках.

Кристина не могла далеко уйти без моего разрешения. Я строго-настрого запретила ей это делать. А если ее похитили... Я не могу сбрасывать со счетов и такой вариант.

Я сделала глубокий вздох. Не надо было мне ее выпускать из вида.

Некоторое чувство успокоения внушало то, что Виктора тоже не было. Он с Лидией Семеновной уже, по моим расчетам, должен был вернуться с обеда и расположиться на пляже. Где-то они бегают вдвоем. Но как бы в опровержение моих надежд рядом со мной выросла бабушка Виктора.

– Жарко! – сказала она, обмахиваясь панамой. Виктор стоял рядом в черной бейсболке, плавках и футболке с изображением человека-паука.

Я бросилась к Виктору и начала трясти его:

– Слушай! Разве Кристина не с тобой?

Он опешил от моего напора.

– Н-нет. Мы же пошли в кафе, а она осталась с вами.

– Где же Кристина? – спросила я, ощущая, как у меня все обрывается внутри. – Где она?

Виктор пожал плечами:

– Не знаю.

– Ты ее видел?

– Нет. – И спрятался за спину своей бабули.

Я с отчаянием посмотрела на Лидию Семеновну.

– Кристинка? Потерялась? – спросила она.

– Я нигде ее не вижу.

– Она могла куда-то отойти.

– Куда? – истерично взвизгнула я. – Я строго-настрого запретила ей отходить. Я только отлучилась в туалет на пару минут. И вот... ее нет. Господи, Кристи!

– Подождите. – Лидия Семеновна крепко взяла меня за руку. – Восстановите события последнего часа. Что и как.

– Мы с Кристиной лежали на пляже.

– Это уже после того, как мы ушли в кафе?

Я кивнула:

– Да. Она просила меня разрешить ей пойти купаться, но я не разрешила. Да они и так перекупались, – кивнула я на Виктора. – Вылезли все синие, с синюшными губами, тряслись, как цуцики.

– Да уж! Наплавались и нанырялись.

– Я сказала ей: иди к морю, поболтайся на берегу. Пособирай ракушки.

– И что она?

– Ушла. А я лежала и загорала. Несколько раз я поднимала голову и проверяла, где она. Все было нормально. Она была на месте. Потом я пошла в туалет, прежде чем лечь, посмотрела на берег. И не увидела ее. Она исчезла.

В эту минуту я ненавидела самую себя. За свое разгильдяйство и беспечность. Я не должна была ни на минуту, ни на шаг отпускать от себя ребенка. Я не должна была позволять ей идти одной к берегу... И здесь меня пронзила страшная мысль: а если Кристи утонула?

– Я... все поняла. – Я посмотрела на Лидию Семеновну безумным взглядом. – Кристина утонула.

– Оля! – трезвый возмущенный возглас женщины вернул меня к действительности. – Как она могла утонуть у всех на глазах! Что за чушь! Кто-нибудь обязательно бы увидел... Так не бывает, Оля!

– Вы так думаете?

– Конечно.

– Но... если она не утонула, то где она? – прошептала я.

Мы обвели глазами пляж и примыкавшую к нему набережную, отыскивая Кристи. Я с надеждой скользила взглядом по отдыхающим, сгрудившимся около палаток, по ребятне, бегавшей с мороженым в руках, по ярко-синему зон-

ту, под которым сидела представитель экскурсионной компании с рекламными буклетами и расписанием экскурсий.

Я рванула туда. К этой женщине лет шестидесяти в большой кружевной белой шляпке, в пестром блузоне и с бусами из искусственной бирюзы на загорелой шее я уже подходила несколько раз, когда хотела выбрать экскурсию в Севастополь или Никитский Ботанический сад. Но каждый раз Кристи ныла и тянула меня в сторону.

– М-мам! Не хочу. Это далеко.

– Да нет, Кристи, все нормально. Мы сядем на автобус и поедем. Там такая красота...

– Не хочу.

В эти минуты рядом неизменно вырастала Лидия Семеновна с Витькой.

– Да что вы, Оля, какие экскурсии, такая жарница! Испечетесь в этих автобусах. Охота ноги сбивать, ходить где-то. Лучше позагорать да покупаться.

Я сдавалась под этим натиском, досадуя, что мне опять не удалось убедить Кристину куда-нибудь поехать и расширить свой кругозор. Все-таки десять лет, девочка уже большая...

И вот теперь я кинулась к этой женщине со всех ног.

– Простите, вы не видели мою дочь? Такая темненькая девочка, – я взмахнула рукой. – Вот такого роста, в купальнике... – Я вывернула сумку и не обнаружила Кристиного платья. – Нет, в белом платье с голубым рисунком на груди. Не видели?

– Я помню вашу девочку, – кивнула женщина. – Но я ее не видела. А что с ней? Она пропала?

– Да. – Я беспомощно пожала плечами. – Пропала. И я схожу с ума от беспокойства.

– Дети часто пропадают. Бегают взад-вперед, потом оказывается – заблудились и не знают, куда идти. Вашей лет девять-десять?

– Десять.

– Она, по крайней мере, знает, куда идти и где вы живете. И легко найдет дорогу домой.

Насчет этого у меня твердой уверенности не было. Город незнакомый. Приехали мы недавно, и вряд ли Кристина легко найдет дорогу к нашему дому.

– Вы посидите здесь и подождите, а то она вернется на пляж, а вас уже нет.

– Спасибо.

Я отошла в сторону. Лидия Семеновна с Витей топтались рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.